

данию явно недостает указателей (персонажей, мотивов) — справочный аппарат значительно облегчил бы обращение с масштабным материалом; кроме того, наличие указателей и индексов стало уже обязательным условием при издании больших корпусов фольклорных текстов. Поскольку речь идет о первом выпуске серии, надеемся, что при завершении этого свода он будет снабжен всеобъемлющим справочным аппаратом.

Примечания

¹ См.: Толстая С.М. «Повесть чисел» в южнославянской устной и письменной традиции // Восток и Запад в балканской модели мира: Памяти В.Н. Топорова. М., 2007. С. 214—226.

² Атрибуты медведя — шкура и лапы — использовались повсюду, где был известен его культ: в карельской быличке (№ 104, с. 290) упоминается коготь медведя, необходимый для плодородия скота и девичьей привлекательности (лемби); близкую культовую параллель в лесной зоне Европы представляет находка медвежьей фаланги с обручальным кольцом в погребении девочки (Ярославское Поволжье, X в.), см.: Дубов И.В., Седых В.Н. «Свекор-батяга говорит: к нам медведицу ведут» // ЖС. 1997. № 4. С. 40—41.

³ Повесть временных лет. 2-е изд. СПб., 1996. С. 71.

В.Я. ПЕТРУХИН, доктор ист. наук;
Ин-т славяноведения РАН
(Москва)

Завершение серии «Традиционная художественная культура белорусов»

Традиционная мастацкая культура беларусаў. — Т. 6: Гомельскае Полессе і Падняпроўе / Ідэя і агул. рэдагаванне Т.Б. Варфаламеевай. — Кн. 1. — Мінск: Вышэйшая школа, 2012. — 910 с.: цв. ил., ноты, компакт-диск; Кн. 2. — Мінск: Вышэйшая школа, 2013. — 1231 с.: цв. ил., рис., ноты, компакт-диск.

Серийное издание «Традиционная художественная культура белорусов», осуществлявшееся белорусскими исследователями фольклора и народной культуры с 2001 г., завершено. Хочется выразить признательность коллективу энтузиастов, на протяжении многих лет самоотверженно собиравших, анализировавших, систематизировавших и комментировавших огромный фактический материал, чтобы представить народную культуру Белоруссии во всем ее регионально-разнообразии.

Первые пять томов серии были посвящены Могилёвскому Поднепровью,

Витебскому Подвиныю, Гродненскому Пенеманью, Брестскому Полесью и Центральной Белоруссии (Минская область)¹. Заключительный, шестой том представляет юго-запад Белоруссии — традиции Гомельского Полесья и Поднепровья.

Как и предыдущие тома серии, данный том базируется на современных полевых материалах (основная часть собрана в 2003—2004 гг., но экспедиции проводились и позднее, в книгу вошли тексты, записанные уже в 2012 г.), охватывающих все районы Гомельской области. Таким образом, в завершающем томе (как и в предыдущих книгах) нашла отражение концепция всего издания, ориентированная на комплексное и синхронное изучение состояния белорусской традиционной культуры на переломе XX—XXI вв.

Структура тома аналогична структуре ранее вышедших выпусков. «Гомельский» том включает разделы, посвященные народному календарю, семейным обрядам, необрядовым песням, инструментальной музыке (они составляют первую книгу), танцевальному фольклору, народным играм, народной прозе, малым жанрам фольклора, заговорам, традиционному костюму и народному текстилю (входят во вторую книгу). Отметим, что единообразная композиция всех томов облегчает работу, и исследователь той или иной темы легко может отыскать нужный материал в соответствующем томе.

Во введении к «календарному» разделу исследователи отмечают особенность исследуемого региона — наличие в нем трех основных зон: Полесской, Северно-Центральной и Поднепровской. При этом каждая из них делится на ареалы (Южный ареал и ареал Мозырско-Припятского Полесья в Полесской зоне; Северный и Центральный ареалы в Северно-Центральной зоне; ареал Посожья в Поднепровской зоне). Особенности и отличия этих зон и ареалов наглядно проявляются именно в народном календаре (системе праздников и обрядов) и календарном фольклоре (музыкальном и прозаическом). Приведем пример: одним из календарных «символов» Полесской зоны на Гомельщине является праздник Чуда (*Чуды*), локально отмеченный также на территории соседней Брестской области (брестско-малоритско-кобринский ареал, см. подробнее в 4-м томе серии) и имеющий параллель в западнополесской украинской традиции. Теперь, когда в распоряжении исследователя находится весь региональный свод, стало возможным не только более подробно анализировать подобные ареалогические параллели, но и ставить вопрос об их типологии.

Особое внимание исследователей направлено на выяснение региональных особенностей обрядов и фольклорных

текстов, выделяющих Гомельщину на общеполесском фоне. Так, в зимнем календарном цикле отмечен комплекс шедрования/колядования с игрой «Коза» (кн. 1, с. 62—63, 71—73); в некоторых юго-восточных районах области известны ритуальные обходы с участием пары маскированных персонажей — Василя и Маланки, не встречающиеся на остальной территории Белоруссии, но широко распространенные на Украине (кн. 1, с. 74). Устойчивым элементом весенней обрядности Восточного Полесья и Поднепровья являются действия с обрядовым деревцем (*ёлочка, ёлка*), приуроченные к Вознесению (кн. 1, с. 34); на востоке Гомельской области устойчиво фиксируются ритуалы, связанные с порицанием неженатой молодежи (*цяганне калодкі*). Редуцированность купальской обрядности в Восточном Полесье приводит к тому, что традиция купальских костров (сжигание колеса, пускание горящего колеса с горы, прыгание через огонь и т.п.) оказывается приуроченной к пасхальной ночи (кн. 1, с. 194—195). Празднование Юрьева дня на Гомельщине также имеет яркие локальные особенности — таков «Тураўскі карагод» (обрядовый комплекс, зафиксированный на территории Житковичского р-на — на границе с Брестской областью, см. кн. 1, с. 217—220), включающий такие символически значимые элементы, как обход полей со специально испеченным хлебом (*карагод*), который в ходе ритуала поднимали высоко вверх, поврачивались с ним по солнцу; ритуальное молчание по пути на поле и специальные приговоры и песни, исполнявшиеся при обходе полей. Безусловным маркером гомельской весенней обрядности и сегодня является «Ваджэнне і пахаванне стралы/сулы» (кн. 1, с. 231—235). Этот обрядовый комплекс, как и «Тураўскі карагод», включен в число 11 традиционных календарных праздников, имеющих в Белоруссии статус историко-культурной нематериальной ценности. В осенний период выделяются на Поднепровье приуроченные к зимнему Николину дню обрядовые действия с так называемой *свечой* (термин обозначает почитаемую икону, переносимую из дома в дом, а также специально изготовленную для этого праздника свечу, иногда имеющую антропоморфный вид) (кн. 1, с. 394—398). Этот обряд имеет четкую географическую привязку, разделяя Поднепровскую зону Гомельщины на две части: северо-восточную, где он отмечен, и юго-западную, где он не зафиксирован (границей выступает территория Калинковичского р-на).

Говоря о живом бытовании на Гомельщине многих календарно-обря-

довых форм, следует отметить одну особенность. Микроареалы с непрерывной календарной традицией (воспроизводящие архаические ритуалы) часто фиксируются на культурном пограничье (межэтническом, межрегиональном). Таков троицкий обряд «проводов русалки» в д. Усохская Буда Добрушского р-на (гомельско-брянско-черниговское пограничье) и вознесенский обряд «вождения и похорон стрелы» в д. Казацкие Болсуны Ветковского р-на (гомельско-брянское пограничье); ритуал украшения на Пасху «каменной девочки» (антропоморфного креста) в д. Боровое и Данилевичи Лельчицкого р-на (гомельско-житомирско-роменское пограничье). Этот факт позволяет расширить наше представление об ареальной структуре лингвокультурного пограничья и дает интересный материал для картографирования фактов традиционной духовной культуры.

Концепция серии предполагает комплексную подачу фольклорно-этнографического материала: описание акционально-вербального кода любого обрядового действия включает в себя примеры музыкального и песенного сопровождения (тексты и нотации). Этот принцип крайне важен, потому что в ряде случаев именно в мелосе отражаются локальные особенности того или иного обряда. Так, в контексте погребального обряда определяющим является тип голошения: для трех районов области (Житковичского, Калинковичского и Мозырского) характерен песенный тип; на остальной территории Гомельщины распространен напевный речитатив. Эта особенность становится важным идентифицирующим признаком, осознаваемым носителями традиции. Приведем лишь один показательный пример: жительницы Мозырского района отправились в соседний Петриковский район на похороны и голосили там по покойному родственнику в свойственной им манере, чем вызвали немалое удивление: «“Чаго гэта, у вас усягда паюць на похарахах?” <...> — “У нас так галосяць, прыказваюць песнямі”. Дак там ужо людзі сільна ўдзіляліся, у іх гэтага няма» (кн. 1, с. 433).

Чрезвычайно насыщенными оказались разделы, посвященные народной прозе, народным верованиям и заговорам. Легенды, предания, былички, лечебно-магические тексты показывают, с одной стороны, как на территории Гомельщины осваивается корпус общих для белорусской (и шире — восточнославянской) традиции сюжетов и мотивов, а с другой — какие специфические (уникальные) черты имеет мифопоэтическая традиция региона.

Среди мифологических персонажей гомельского региона локальное распространение имеют *хохлік* (водит в лесу

зablудившихся людей; Ветковский р-н), персонажи, которыми пугали детей, — *чалавек з жыта* (Лоевский р-н), *карак* и *кіка* (Октябрьский р-н), *жалазнячка* (Добрушский р-н). Один персонаж известен лишь в традиции д. Усохская Буда (Добрушский р-н) — *дзюндзік*, обитающий в огороде («галава клубочкам, цельца лубочкам, драцяныя ножкі, саламяны рожкі»); у него есть «даўбешка» (колотушка), которой он наказывает непослушных детей (кн. 2, с. 470, 745—747). Аналогов этому персонажу пока не зафиксировано; можно лишь отметить, что слово *дондик* в смоленских говорах означает «коротыш, малорослый человек» или «вялый, неповоротливый, нерасторопный человек, разиня»².

Традиция восточных районов Гомельской области (так же как Витебской и Могилевской) — это традиция во многом «пограничная», что и составляет ее своеобразие. Именно поэтому не кажется инородным включением в раздел быличек рассказов о доброхожих из Красногорского и Новозыбковского р-нов Брянской обл. (кн. 2, с. 671—676): как уже неоднократно отмечали исследователи (Г.И. Лопатин, Е.М. Боганева), этот мифологический персонаж является «визитной карточкой» белорусско-русского пограничья, и наличие текстов как с русской, так и с белорусской стороны помогает адекватно представить ареал бытования единого комплекса поверий о нем. Кроме того, фольклористами отмечено, что ареал поверий о доброхожих практически совпадает с ареалом обряда «вождение стрелы», что свидетельствует о концентрации архаических мотивов на территории данного региона (кн. 2, с. 469).

На примере гомельской традиции можно также проанализировать бытование микролокальных комплексов мифологических поверий. Так, на западе и востоке области (в центральных районах этот мотив не фиксируется) рассказывают былички о нескончаемом полотне, подаренном человеку мифологическим персонажем. Любопытно, что чудесным дарителем в Ветковском и Чечерском районах (на востоке Гомельщины) оказывается доброхожий, а в Житковичском районе (на западе, на границе с Брестской областью) — русалка (кн. 2, с. 676—680).

Интересные параллели с соседней черниговской традицией дают легенды, записанные на территории Лоевского (о происхождении ежа из потерянного человеком пасхального поросенка — кн. 2, с. 590) и Гомельского (о происхождении твердокаменного гороха — кн. 2, с. 612) районов.

Важной составляющей раздела, посвященного традиционному народному текстилю, стала подборка устных рассказов о практике изготовления обыденных

тканых предметов (рушников, полотна) с описанием сопутствующих ритуальных действий (кн. 2, с. 1182—1215). Как показывает материал, исполнение, одного из самых архаичных славянских обрядов на Гомельщине довольно долго оставалось живой традицией, рассказчики вспоминают случаи изготовления обыденного полотна (по обету, в связи со стихийными бедствиями, болезнями и т.п.) вплоть до 1950-х гг. Показательно, что ритуал сохранял устойчивую структуру (половозрастное распределение ролей при изготовлении и перенесении полотна в церковь, на кладбище, на перекресток и т.п.), архаические элементы (тканье полотна на воротах вместо кросен) и сочетался с другими формами обетной магии (изготовление обыденных деревянных крестов).

Отметим богатый иллюстративный материал, который является необходимой информативной составляющей. Наглядные рисунки-схемы, относящиеся к хореографическим композициям и движениям, в разделе, посвященном народному танцу, нотации, сопровождающие песни разных жанров, фотографии образцов народного ткачества — всё это является неотъемлемой частью презентации материала. К каждой книге тома прилагается электронный диск с записью календарных, семейных, необрядовых песен и инструментальной музыки (кн. 1) и аутентичных образцов народной прозы (кн. 2).

Хочется от души поздравить коллег с завершением работы над уникальным сводом данных по традиционной культуре Белоруссии и поблагодарить за бесценный подарок — в научный оборот введен ценнейший материал, который может стать основой для новых фундаментальных работ по белорусскому фольклору и народному творчеству, будет способствовать сохранению исторической памяти и повышению интереса к неиссякаемым богатствам народной культуры.

Примечания

¹ Рецензии см.: Белова О.В. Традиционная культура белорусов: новая региональная серия // ЖС. 2008. № 2. С. 55—56; Она же. Продолжение серии «традиционная художественная культура белорусов» // ЖС. 2012. № 2. С. 60—62.

² См. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1981. С. 512; Словарь русских народных говоров. Вып. 8. Л., 1972. С. 304.

О.В. БЕЛОВА, доктор филол. наук;
Ин-т славяноведения РАН (Москва)

Работа выполнена в рамках проекта «Ареальная структура белорусско-русского лингвокультурного пограничья: язык и фольклор» (РГНФ-БРФФИ, 13-24-01003)